

УДК 343.132

DOI: 10.34670/AR.2026.17.84.060

Проблемы разграничения обыска и выемки в уголовном судопроизводстве: анализ следственной практики

Исламов Шамиль Исламович

Магистрант,
Дагестанский государственный университет,
367000, Российская Федерация, Махачкала, ул. Гаджиева, 43-а;
e-mail: Islamov@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются проблемы разграничения обыска и выемки как самостоятельных следственных действий в российском уголовном судопроизводстве. Актуальность темы обусловлена тем, что оба действия направлены на получение предметов, документов, ценностей и цифровой информации, имеющих значение для уголовного дела, однако различаются по фактическим основаниям, степени определенности искомого объекта, характеру познавательной деятельности следователя и объему вмешательства в конституционные права личности. На основе анализа норм УПК РФ, разъяснений Верховного Суда РФ, правовых позиций Конституционного Суда РФ, практики Европейского суда по правам человека и научных подходов раскрываются типичные ошибки следственной практики: подмена выемки обыском, проведение поисковых действий под видом выемки, изъятие неопределенного круга документов, нарушение режима охраняемой законом тайны, недостаточное обоснование судебного ходатайства. Сделан вывод о необходимости разграничивать обыск и выемку не по конечному результату — изъятию объекта, а по исходной следственной ситуации: наличию либо отсутствию точного знания о местонахождении конкретного предмета или документа.

Для цитирования в научных исследованиях

Исламов Ш.И. Проблемы разграничения обыска и выемки в уголовном судопроизводстве: анализ следственной практики // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 478-486. DOI: 10.34670/AR.2026.17.84.060

Ключевые слова

Обыск, выемка, следственные действия, уголовное судопроизводство, судебный контроль, доказательства, электронные носители информации, адвокатская тайна, следственная практика.

Введение

Базовое различие между обыском и выемкой состоит в различной степени определенности сведений, которыми располагает следователь до начала следственного действия. При обыске следователь исходит из вероятностного знания: имеются достаточные данные полагать, что предметы, документы или ценности могут находиться в определенном месте либо у определенного лица. При выемке, напротив, закон требует точного знания о том, какие именно предметы или документы подлежат изъятию, где они находятся и у кого они находятся [УПК РФ, 2001].

Из этого следует, что обыск имеет выраженный поисковый характер. Его содержание предполагает обследование помещения, участка местности, транспортного средства, вещей или лица с целью обнаружения объектов, местонахождение которых заранее не установлено с необходимой точностью. Выемка, напротив, не должна превращаться в поисковое обследование: ее предметом является изъятие индивидуально определенного объекта, уже известного следствию.

Основная часть

В научной литературе следственное действие рассматривается как процессуальная форма познавательной деятельности, включающая принятие решения, выполнение познавательных и правообеспечительных операций, а также закрепление полученного результата [Шейфер, 2001, с. 58]. Такой подход позволяет разграничивать обыск и выемку не формально, по названию протокола, а содержательно — по характеру познавательной задачи. Если задача состоит в обнаружении неизвестного или недостаточно локализованного объекта, речь идет об обыске. Если же задача состоит в изъятии конкретного, заранее локализованного объекта, правомерна выемка.

Существенное значение имеет и формальное основание следственного действия. С.А. Шейфер подчеркивал, что решение о производстве следственного действия должно опираться на анализ данных, достаточных для построения обоснованной следственной гипотезы, а при действиях, ограничивающих права участников процесса, требуется особенно внимательный подход к мотивировке [Шейфер, 2001, с. 129]. Применительно к обыску и выемке это означает, что постановление следователя либо судебное решение должны отражать не только цель изъятия, но и фактические данные, подтверждающие выбор именно данного следственного действия.

Отсылочная конструкция ч. 2 ст. 183 УПК РФ, согласно которой выемка производится в порядке, установленном ст. 182 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными ст. 183, создает определенную сложность. С одной стороны, законодатель сближает процессуальный порядок обыска и выемки; с другой — сохраняет самостоятельность выемки через особое фактическое основание: точную известность предмета, места и лица.

Вопрос о самостоятельности выемки является дискуссионным. В научной литературе можно выделить как минимум два подхода. Первый подход исходит из того, что выемка является самостоятельным следственным действием. Его сторонники указывают, что выемка имеет собственное фактическое основание, предмет, пределы и цель. Она не предполагает активного поиска, а потому отличается от обыска по познавательной структуре. Д.В. Дробинин прямо ставит вопрос об основаниях разграничения обыска и выемки как самостоятельных

следственных действий, связывая их различие прежде всего с характером исходной информации и степенью определенности местонахождения объекта [Дробинин, 2017, с. 75–80].

Второй подход ставит под сомнение самостоятельность выемки и рассматривает ее как процессуальную форму изъятия. С.Б. Россинский формулирует проблему следующим образом: является ли выемка самостоятельным следственным действием либо лишь процессуальной формой изъятия уже известного объекта [Россинский, 2017, с. 28–32]. Значение этой позиции состоит в том, что она обращает внимание на ограниченность познавательной составляющей выемки: следователь не столько ищет новое доказательство, сколько процессуально оформляет изъятие объекта, сведения о котором уже имеются.

Обе позиции имеют аргументы. Самостоятельность выемки подтверждается прямым закреплением в УПК РФ и наличием специальной нормы — ст. 183 УПК РФ. Вместе с тем практическая близость выемки к изъятию объясняет, почему в правоприменении возникает соблазн использовать ее как универсальный инструмент получения документов. Наиболее обоснованным представляется компромиссный подход: выемка является самостоятельным следственным действием, но ее самостоятельность имеет ограниченный характер и проявляется прежде всего в особом фактическом основании — точной известности объекта и места его нахождения.

А.В. Костюк справедливо связывает качество правовой регламентации выемки с принципом законности и указывает, что однозначность процессуальных норм является условием законного производства следственных действий [Костюк, 2020, с. 112]. Данный тезис имеет прямое значение для разграничения обыска и выемки: чем менее определенно законодатель описывает пределы выемки, тем выше риск ее использования как упрощенной формы обыска.

На основе норм УПК РФ и научных подходов можно выделить несколько критериев разграничения.

Первый критерий — степень определенности объекта. Для выемки предмет или документ должен быть индивидуализирован: следователь должен понимать, какой именно объект подлежит изъятию. Недопустимо указывать в постановлении о выемке неопределенные формулы вроде «документы, имеющие значение для уголовного дела» без конкретизации их вида, периода, отношения к событию преступления или субъекту.

Для обыска, напротив, допустима более широкая формулировка искомых объектов, поскольку его целью является обнаружение предметов, документов и ценностей, местонахождение которых заранее неизвестно. Однако и при обыске пределы поиска не должны быть неопределенными.

Степень определенности места. Выемка допустима, если точно известно, где и у кого находится объект. Если следователь предполагает лишь вероятное нахождение документов в помещении организации, но не знает, в каком кабинете, сейфе, архиве или у какого сотрудника они находятся, такая ситуация ближе к обыску.

Наличие поисковой деятельности. Если в ходе действия следователь обследует шкафы, сейфы, компьютеры, носители информации, переписку, архивы и иные места хранения с целью обнаружить нужные объекты, фактически осуществляется обыск. Если же лицо добровольно либо принудительно передает заранее определенный документ, находящийся в известном месте, речь идет о выемке.

Объем принуждения. И обыск, и выемка могут иметь принудительный характер. Однако принуждение при обыске связано с правом обследования пространства и вскрытия помещений при отказе владельца добровольно открыть их [УПК РФ, 2001]. При выемке принуждение

выражается в изъятии конкретных предметов или документов после отказа их выдать.

Пятый критерий - режим судебного контроля. Обыск в жилище производится на основании судебного решения. Выемка отдельных категорий объектов — например документов, содержащих охраняемую законом тайну, сведений о вкладах и счетах, вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, — также требует судебного решения. Пленум Верховного Суда РФ указывает, что следственные действия, связанные с ограничением конституционных прав, требуют судебного контроля в порядке ст. 165 УПК РФ [Постановление Пленума ВС РФ № 19, 2017].

В следственной практике проблемы разграничения обыска и выемки проявляются прежде всего в ситуациях, когда фактическое содержание следственного действия не соответствует его процессуальной форме. Несмотря на то что уголовно-процессуальный закон различает обыск и выемку по основаниям, целям и характеру познавательной деятельности следователя, на практике эти следственные действия нередко смешиваются. Это создает риск нарушения прав участников уголовного судопроизводства, несоразмерного вмешательства в охраняемые законом интересы, а также признания полученных доказательств недопустимыми.

Первая проблема состоит в подмене выемки обыском. Она возникает, когда следователь выносит постановление о выемке, но фактически проводит поиск. Например, в постановлении указывается необходимость изъять «финансово-хозяйственную документацию организации», после чего следственная группа обследует кабинеты, архив, серверы, рабочие компьютеры сотрудников. В такой ситуации выемка теряет свой определенный предмет и превращается в обыск. Процессуальный риск состоит в том, что доказательства могут быть признаны недопустимыми, если суд установит несоответствие фактического содержания действия его процессуальной форме.

Использование обыска там, где достаточно выемки. Такая ситуация не всегда связана с нарушением закона, но может свидетельствовать о несоразмерности вмешательства. Если следствию точно известно, что конкретный договор находится у конкретного сотрудника организации либо в конкретном архивном деле, производство обыска всего помещения может быть избыточным. Принцип пропорциональности требует выбирать менее интенсивное вмешательство, если оно позволяет достичь цели расследования.

Размывание предмета изъятия. В протоколах нередко фиксируется изъятие больших массивов документов или электронных носителей без достаточной связи с предметом доказывания. Особенно остро это проявляется при расследовании экономических преступлений, где следствие изымает бухгалтерскую, кадровую, договорную и электронную документацию организации за длительный период. В таких случаях разграничение обыска и выемки дополняется более широким вопросом о пределах допустимого изъятия.

Показательным примером подмены выемки обыском является практика изъятия вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард. Часть 3 ст. 183 УПК РФ прямо указывает, что выемка таких вещей производится на основании судебного решения. Однако на практике возникал вопрос: может ли следователь вместо выемки провести обыск в ломбарде по собственному постановлению и тем самым обойти необходимость судебного разрешения?

А.А. Хайдаров, анализируя данную проблему, указывает, что следователи нередко используют пробел уголовно-процессуального регулирования и вместо получения судебного разрешения на выемку в ломбарде производят обыск [Хайдаров, 2019, с. 138–144]. Автор делает вывод, что защита конституционных прав участников процесса не должна зависеть от произвольного выбора следователем формы следственного действия [Хайдаров, 2019, с. 140–

142].

Данный пример демонстрирует общий принцип: если закон устанавливает специальную гарантию для изъятия определенной категории объектов, она не может быть нейтрализована изменением процессуального наименования действия. Иначе говоря, следователь не вправе выбирать обыск вместо выемки только потому, что выемка требует судебного разрешения. Приоритет должен иметь не формальный протокол, а фактическое содержание действия и характер изымаемого объекта.

В этом смысле судебный контроль выполняет не только разрешительную, но и разграничительную функцию. Суд, рассматривая ходатайство следователя, должен оценивать, соответствует ли заявленное действие фактической ситуации: требуется ли поиск или речь идет об изъятии заранее известного объекта. Если ходатайство о производстве обыска фактически направлено на изъятие конкретной вещи, для которой закон предусмотрел специальный порядок выемки, суд должен требовать соблюдения именно этого порядка.

Добровольная выдача является важным элементом как обыска, так и выемки. До начала обыска следователь предлагает добровольно выдать предметы, документы и ценности; если они выданы добровольно и нет оснований опасаться их сокрытия, следователь вправе не производить обыск. До начала выемки следователь также предлагает выдать предметы и документы, а при отказе производит выемку принудительно.

На практике добровольная выдача иногда используется как аргумент в пользу того, что фактический поиск не производился. Однако наличие добровольной выдачи не всегда устраняет проблему разграничения. Если следователь заранее не знал, какие именно документы находятся у лица, и требовал передать неопределенный массив объектов, ситуация сохраняет признаки обыска. Если же лицо выдало конкретный заранее известный объект, выемка является надлежащей процессуальной формой.

С.А. Шейфер обращал внимание на спорность представлений о добровольности в контексте следственных действий, связанных с проникновением в жилище и ограничением прав личности [Шейфер, 2001, с. 131]. Этот тезис применим и к разграничению обыска и выемки: добровольность выдачи должна оцениваться с учетом процессуального контекста. Если лицо выдает документы в присутствии следственной группы, фактически начавшей обследование помещения, такая выдача может иметь вынужденный характер.

Особую группу составляют случаи, когда объектом изъятия являются сведения, составляющие охраняемую законом тайну. Статья 183 УПК РФ требует судебного решения для выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также информации о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях. Данный режим показывает, что законодатель связывает дополнительные гарантии не только с местом производства действия, но и с характером изымаемой информации.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ по адвокатской тайне показывает, что судебное решение не должно быть абстрактным: в нем должны указываться конкретные объекты поиска и сведения, послужившие основанием для обыска [Постановление КС РФ № 33-П, 2015]. Эта логика применима и к иным видам тайны. Чем выше риск вмешательства в конфиденциальную сферу, тем выше требования к конкретизации предмета поиска и изъятия.

Практика Европейского суда по правам человека также подчеркивает значение пределов обыска и изъятия. В деле «Круглов и другие против России» заявители жаловались на обыски в помещениях адвокатов и юристов, изъятие и длительное удержание носителей информации

[Круглов и другие против России, 2026]. Суд обращал внимание на то, что национальные суды должны оценивать не только формальное соблюдение процедуры, но и необходимость, пропорциональность и пределы вмешательства [Круглов и другие против России, 2026]. Несмотря на изменение статуса России в системе Конвенции, данные выводы сохраняют научное значение как критерии оценки пропорциональности следственных действий.

Цифровизация уголовного судопроизводства существенно осложнила разграничение обыска и выемки. В традиционной модели объект выемки — это документ или предмет, физически находящийся у конкретного лица. В цифровой среде объектом интереса следствия может быть не носитель как вещь, а информация, содержащаяся на нем либо доступная через него. Поэтому изъятие ноутбука, телефона или сервера не всегда равнозначно изъятию доказательства.

Статья 164.1 УПК РФ предусматривает участие специалиста при изъятии электронных носителей и возможность копирования информации. Эта норма имеет значение для разграничения обыска и выемки в двух аспектах. Во-первых, она ограничивает возможность механического изъятия всех электронных устройств, обнаруженных при обыске. Во-вторых, она требует процессуально фиксировать, что именно изымается: физический носитель, копия информации или конкретные файлы.

Если следователь точно знает, что на определенном сервере находится конкретная база данных, возможно производство выемки с участием специалиста и копированием информации. Если же следствие лишь предполагает, что на компьютерах организации могут находиться сведения, относящиеся к преступлению, ситуация ближе к обыску. Однако даже в этом случае изъятие должно быть ограничено предметом расследования и не должно парализовать деятельность организации сверх необходимого.

Практически значимым является требование индивидуализации цифровых объектов. В протоколе должно быть указано, какие устройства изъяты, какие технические средства применялись, какие данные копировались и как обеспечена неизменность информации. Недостаточная фиксация этих обстоятельств затрудняет последующую проверку допустимости доказательств и создает риск смешения обыска, выемки, осмотра и иных процессуальных действий.

Для устранения проблем разграничения обыска и выемки целесообразно использовать несколько практических ориентиров. В постановлении о производстве выемки необходимо конкретизировать предмет изъятия. Следователь должен указывать вид документа, его реквизиты, период, отношение к событию преступления, лицо или организацию, у которых он находится. Чем менее конкретен предмет, тем выше вероятность, что фактически требуется обыск.

В постановлении о производстве обыска необходимо обосновывать вероятность нахождения искомых объектов в конкретном месте. Общая ссылка на необходимость расследования уголовного дела недостаточна. Следователь должен показать связь между расследуемым событием, местом обыска и предполагаемыми объектами.

Суды при рассмотрении ходатайств по ст. 165 УПК РФ должны оценивать не только формальные реквизиты, но и соответствие заявленного действия фактической ситуации. Если следователь просит разрешить обыск, но из материалов следует, что нужно изъять конкретный известный объект, суд должен ориентировать его на выемку. Если же заявлена выемка, но объект и место не конкретизированы, имеются признаки поискового действия.

В протоколе необходимо четко разграничивать добровольную выдачу, обнаружение в ходе

поиска и принудительное изъятие. Формула «изъято в ходе следственного действия» недостаточна, поскольку не позволяет оценить правовой режим получения объекта.

При работе с электронными носителями необходимо отдавать приоритет копированию релевантной информации перед изъятием всего устройства, если это возможно и не угрожает сохранности доказательств. Такой подход соответствует идее минимального вмешательства и требованиям ст. 164.1 УПК РФ.

При производстве действий, затрагивающих профессиональную или иную охраняемую законом тайну, должны применяться повышенные стандарты конкретизации предмета поиска и изъятия. Особенно это важно в отношении адвокатов, где ст. 450.1 УПК РФ прямо запрещает изъятие объектов, не указанных в судебном решении, за исключением предметов и документов, изъятых из оборота.

Заключение

Разграничение обыска и выемки должно осуществляться не по конечному результату, поскольку оба действия могут завершаться изъятием предметов, документов, ценностей или электронных носителей, а по исходной следственной ситуации и характеру познавательной деятельности следователя. Обыск предполагает поиск объектов, местонахождение которых известно лишь вероятно. Выемка предполагает изъятие заранее определенных объектов, если точно известно, где и у кого они находятся.

Главная проблема следственной практики состоит в процессуальной подмене: выемка используется как упрощенная форма обыска, а обыск — как способ обойти специальные гарантии, установленные для выемки отдельных категорий объектов. Особенно остро это проявляется при изъятии документов организаций, электронных носителей информации, вещей в ломбарде, а также материалов, связанных с адвокатской или иной охраняемой законом тайной.

Научная дискуссия о природе выемки показывает, что ее самостоятельность не может пониматься формально. Выемка действительно является самостоятельным следственным действием, но ее специфика состоит в ограниченной поисковой составляющей и высокой степени определенности предмета. Поэтому при выборе между обыском и выемкой следователь, прокурор и суд должны исходить из трех вопросов: что именно подлежит изъятию; известно ли точное место нахождения объекта; требуется ли поисковое обследование.

Соблюдение этих критериев позволяет обеспечить допустимость доказательств, снизить риск нарушения прав участников уголовного судопроизводства и укрепить судебный контроль за следственными действиями, ограничивающими конституционные права.

Библиография

1. Дробинин Д. В. К вопросу об основаниях разграничения обыска и выемки как самостоятельных следственных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 2. С. 75–80.
2. Костюк А. В. Выемка как процессуальное действие в уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 112–115.
3. Меркулов М. А., Абросимов И. И. Актуальные проблемы производства обыска и выемки в контексте обеспечения безопасности прав участников уголовного процесса // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 40–44.
4. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 7. С. 21–24.
5. По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части

- первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. В. Баляна, М. С. Дзюбы и других : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 дек. 2015 г. № 33-П // Российская газета. 2015. 30 дек.
6. Россинский С. Б. Выемка: следственное действие или процессуальная форма изъятия? // Российский следователь. 2017. № 19. С. 28–32.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : ред. от 8 марта 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.
8. Хайдаров А. А. Проблемы получения следователем (дознавателем) разрешения на производство обыска и выемки в ломбарде // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 138–144.
9. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М. : Юрлитинформ, 2001. 208 с.

Problems of Distinguishing Between Search and Seizure in Criminal Proceedings: Analysis of Investigative Practice

Shamil' I. Islamov

Master's Degree Student,
Dagestan State University,
367000, 43-a, Gadzhieva str., Makhachkala, Russian Federation;
e-mail: Islamov@mail.ru

Abstract

The article examines the problems of distinguishing between search and seizure as independent investigative actions in Russian criminal proceedings. The relevance of the topic is conditioned by the fact that both actions are aimed at obtaining items, documents, valuables, and digital information relevant to a criminal case, however, they differ in factual grounds, the degree of certainty of the sought object, the nature of the investigator's cognitive activity, and the scope of interference with the constitutional rights of the individual. Based on the analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the practice of the European Court of Human Rights, and scholarly approaches, typical errors of investigative practice are revealed: substitution of seizure with search, conducting search actions under the guise of seizure, the removal of an undefined range of documents, violation of the regime of legally protected secrecy, and insufficient substantiation of a judicial petition. The conclusion is made that it is necessary to distinguish between search and seizure not by the final result — the removal of an object — but by the initial investigative situation: the presence or absence of precise knowledge about the location of a specific item or document.

For citation

Islamov Sh.I. (2026) Problemy razgranicheniya obyska i vyemki v ugovnom sudoproizvodstve: analiz sledstvennoy praktiki [Problems of Distinguishing Between Search and Seizure in Criminal Proceedings: Analysis of Investigative Practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 478-486. DOI: 10.34670/AR.2026.17.84.060

Keywords

Search, seizure, investigative actions, criminal proceedings, judicial control, evidence, electronic storage media, attorney-client privilege, investigative practice.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on March 8, 2026). (2001). Collection of Legislation of the Russian Federation, 52(Part I), Art. 4921.
2. Drobinin, D. V. (2017). K voprosu ob osnovaniyakh razgranicheniya obyska i vyemki kak samostoyatelnykh sledstvennykh deystviy [On the grounds for distinguishing between search and seizure as independent investigative actions]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 3(2), 75-80.
3. Khaidarov, A. A. (2019). Problemy polucheniya sledovatelem (doznavatelem) razresheniya na proizvodstvo obyska i vyemki v lombarde [Problems of an investigator (inquirer) obtaining permission to conduct a search and seizure in a pawnshop]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 9, 138-144.
4. Kostyuk, A. V. (2020). Vyemka kak protsessualnoe deystvie v ugovnom sudoproizvodstve [Seizure as a procedural action in criminal proceedings]. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 4, 112-115.
5. Merkulov, M. A., & Abrosimov, I. I. (2020). Aktualnye problemy proizvodstva obyska i vyemki v kontekste obespecheniya bezopasnosti prav uchastnikov ugovnogo protsessa [Current problems of search and seizure in the context of ensuring the safety of the rights of participants in criminal proceedings]. *Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta*, 1(85), 40-44.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 33-P of December 17, 2015 "On the case concerning the verification of the constitutionality of paragraph 7 of part two of Article 29, part four of Article 165 and part one of Article 182 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens A.V. Balyan, M.S. Dzyuba and others". (2015, December 30). *Rossiyskaya gazeta*.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of June 1, 2017 "On the practice of courts considering petitions for investigative actions related to the restriction of constitutional rights of citizens (Article 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)". (2017). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 7, 21-24.
8. Rossinskiy, S. B. (2017). Vyemka: sledstvennoe deystvie ili protsessualnaya forma izyatiya? [Seizure: an investigative action or a procedural form of confiscation?]. *Rossiyskiy sledovatel*, 19, 28-32.
9. Sheyfer, S. A. (2001). *Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessualnaya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow: Yurlitinform.